

*Ольга РОЗАНОВА*¹

МИНИАТЮРНАЯ ЖЕНЩИНА С ПЛАМЕННОЙ ДУШОЙ

Институт истории искусств, что на Исаакиевской площади, для меня, да я уверена, и для многих, навсегда связан с Тамарой Ивановной Закржевской. В конце 1960-х студенты-театроведы, в числе которых была и автор этих строк, занимались в роскошном здании института, называвшегося тогда Научно-исследовательским отделом Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМиК). И каждый раз, заглянув в «предбанник» у кабинета директора, можно было увидеть миниатюрную, худощавую молодую женщину со строгим, как казалось, выражением лица. Это была помощница директора Тамара Ивановна.

Прошло время, и мы снова встретились, но теперь в зрительном зале на балете. Оказалось, что Тамара Ивановна, как и я, — завсегдатай балетных спектаклей в театре Консерватории. Мы сошлись на интересе к работе руководителя балетной труппы Консерватории Никиты Долгушина, регулярно создававшего новые программы. Своё мнение об увиденном Т. И. высказывала прямо, без обиняков, но всё же с осязаемым сочувствием творческим поискам Долгушина. Тогда я ещё не знала, что её давним и неиз-

¹ **Розанова Ольга Ивановна** после окончания Хореографического училища им. А.Я. Вагановой была солисткой Ленинградской филармонии. В 1974 году окончила Ленинградский гос. институт театра, музыки и кинематографии. Кандидат искусствоведения (1981 г.) доцент (1988 г.). С 1990 по 2014 г. доцент СПб-ской консерватории им. Римского-Корсакова, с 2012 г. — доцент Академии русского балета им. А.Я. Вагановой. Автор нескольких книг и многочисленных статей о балете, организатор и член жюри ряда фестивалей и конкурсов. Живёт в Санкт-Петербурге.

*Конференция памяти Р. Нуреева.
Выступает Тамара Ивановна
Закржевская. Слева за цветами
Ольга Ивановна Розанова*

менным кумиром был не Долгушин, а его сверстник и негласный соперник — Рудольф Нуреев. Долгие годы, вплоть до «перестройки», упоминать о Нурееве было небезопасно. Но помимо далёкого предмета обожания у Т.И. был собственный — самый близкий объект любви и заботы — её сын Саша.

Разносторонне одарённый, Александр Сторожук получил университетское образование,

занимался языком и культурой Китая. Язык он знал в совершенстве, изумительно писал китайские иероглифы. Но когда я побывала в гостях у Т. И., Александр обнаружил и другое дарование — исключительную природную музыкальность. Он играл на гитаре, пел как настоящий певец, обладая красивым баритоном, сочинял музыку. Т. И., конечно же, гордилась своим талантливым сыном, хотя в разговорах о нём сохраняла сдержанность. В домашней обстановке и Т. И. открылась с новой стороны — как рачительная хозяйка и превосходный кулинар. Таких невероятно вкусных пельменей и пирогов я не ела ни до, ни после. Секретом изготовления их автор тут же охотно со мной поделилась.

С некоторых пор на балетах в Консерватории Т.И. неизменно была вместе с Сашей. Дело в том, что, задумываясь о будущем сына, она хотела иметь невесткой балерину. В начале 2000-х в труппу Долгушина перешла из «Хореографических миниатюр» Наталья Башкирцева — заслуженная артистка России, опытная балерина и, к тому же, писаная красавица. Александр уже давно «положил на неё глаз», а затем предложил руку и сердце. Брак оказался счастливым; спустя время на балетах в Консерватории Т.И. и её сын присутствовали уже в качестве ближайших родственников прима-балерины. Настал момент, когда Т. И. стала гулять по каналу Грибоедова с крошечной внучкой. Там мы частенько встречались, поскольку я работала в Консерватории и ходила на службу по набережной канала.

Семейные радости и заботы не помешали Т. И. по-прежнему чтить друга юности — Рудика Нуреева. Чтобы ощущать его присутствие, Т. И. превратила свой рабочий кабинет (зам. директора Российского Института Истории Искусств) в подобие музея. По

периметру комнаты были развешены большие фотографии артиста — одна лучше другой. Везде Нуреев был обольстителем, чувственен, экзотически красив. От этого лица невозможно было оторвать глаз. Но и артист как бы со всех сторон взирал на свою давнюю подругу. Однако наслаждаться «обществом» Рудика только для себя Т. И. было мало, ей хотелось вовлечь в общение с ним как можно больше современников, оставить память о нём потомкам. Как только политика страны изменилась, с имени Нуреева было снято «проклятие», и он выступил на сцене родного Мариинского театра (тогда, в 1989-м, ещё Кировского). Тамара Ивановна взялась за дело.

В 1993-м, в год смерти Нуреева, ему был задуман сборник памяти артиста. В подготовительной работе участвовала Любовь Петровна Мясникова, а незаменимым помощником, фактически автором-составителем стал Александр Сторожук.

Требовалось собрать воспоминания друзей, коллег и почитателей танцовщика. Это оказалось не так-то просто. Работа затянулась на несколько лет и всё же была доведена до конца. Сборник «Рудольф Нуреев. Три года на Кировской сцене: воспоминания современников» вышел из печати в 1995-м. Все надиктованные тексты отредактировал Сторожук. Особая значимость сборника в том, что здесь запечатлён образ юного Нуреева в период учёбы в Хореографическом училище и в первые годы службы в Театре имени Кирова. Этот образ объёмен, порой противоречив, поскольку увиден разными людьми, в основном балеринами — партнёршами артиста. Сегодня многих авторов сборника уже нет в живых, тем большую ценность приобретают с годами свидетельства тех, кто непосредственно общался с Нуреевым в процессе совместного творчества, кто участвовал в его артистическом становлении. Историкам балета незаменимым подспорьем будет список всех выступлений Нуреева в Ленинграде, составленный его поклонницей Фаиной Рокхинд.

В 1998 году ожидаемым продолжением сборника явился объёмный фотоальбом (на русском и английском языках), представивший всю сценическую карьеру танцовщика. В соответствии

*Александр Георгиевич
Сторожук*

*Т. Закржевская
«Рудольф Нуреев», 1998 г.
Культинформпресс*

с международными правилами на публикацию буквально каждой фотографии было получено письменное разрешение авторов. Одно это обстоятельство определяет ценность альбома. Не лишним будет отметить, что в числе уникальных фотодокументов (как и в сборнике 1995-го года), есть снимки, сделанные Тамарой Ивановной. На них Нуреев запечатлён таким, каким он был в Ленинграде, — естественным, раскованным, простым.

Не меньшая ценность — предваряющий «фотогалерею» очерк А. Сторожука о личности и судьбе Нуреева. Блестящий в литературном отношении текст интересен неожиданным, но притом веско аргументированным взглядом автора на героя очерка — на перипетии его судьбы, эволюцию личности.

Ещё через пять лет — к шестидесятилетию Нуреева — Тамара Ивановна с сыном и Л.П. Мясниковой осуществили мероприятие и вовсе грандиозное. На базе института им удалось организовать и провести международный научный симпозиум, посвящённый творчеству Нуреева. Трудно представить, чего стоило установить контакты с крупнейшими балетными специалистами и коллегами Нуреева в годы, когда об интернете в нашей стране ещё не помышляли, а затем осуществить многосложную работу по проведению симпозиума (встречи, размещение, питание гостей, культурная программа и прочее). Главное же, организаторы сумели решить самую сложную задачу — найти средства для весьма дорогостоящего мероприятия. Вот тут-то и обнаружились организаторские способности творческой пары Закржевская — Сторожук. Благодаря их смекалке и дипломатическому искусству спонсором симпозиума стал Фонд Нуреева в лице его председателя Джона Тулле.

Конференцию приурочили ко дню рождения Нуреева, и в марте 1998-го в Зелёном (Малахитовом) зале института собрались её многочисленные участники. Добрую половину составили гости из США, Канады, Франции, Англии, Италии, Монако — более двадцати человек. Среди них именитые критики во главе с Клайвом Барнсом, видные балетные деятели — Джон Тарас, Марика Безобразова, Мирей Лунс, танцовщики, балерины — партнёрши Ну-

реева Лин Сеймур, Александра Поли, Линда Майбардук и другие. С российской стороны с докладами и сообщениями выступили Никита Долгушин, Аркадий Соколов-Каминский, Аскольд Макаров, Наталья Дудинская, Нинель Кургапкина, Ирина Колпакова. Вёл конференцию Александр Сторожук, свободно говоривший по-английски. Он же выступал в качестве синхронного переводчика, когда заканчивался рабочий день профессионалов. Атмосфера на конференции, вначале торжественная, постепенно становилась всё более раскованной, домашней.

Но на этом памятные акции в честь Нуреева не закончились. В Эрмитажном театре состоялся Гала-концерт артистов Мариинского театра, было организовано посещение Хореографического училища (Академии Русского балета имени А.Я. Вагановой). А через два года, в 2000-м, в Петербург приехали гости из Уфы — столицы Башкирии, где прошли детские и юношеские годы Нуреева, где он впервые вышел на профессиональную сцену. Учащиеся башкирского хореографического училища показали на сцене театра Консерватории несколько программ, включая такой раритет, как балет «Волшебная флейта», сочинённый Львом Ивановым для воспитанников Петербургского театрального училища (1893). Дорогостоящую гастроль оплатил фонд Нуреева.

К десятилетию со дня смерти артиста (2003) в Доме кино прошёл кинофестиваль «Тот самый Нуреев» с демонстрацией зарубежных фильмов, вызвавший огромный интерес петербуржцев. Это был заключительный аккорд в череде разнообразных мероприятий, инициированных Тамарой Ивановной Закржевской. Отныне судьба и творчество Нуреева стали неотъемлемой частью культуры России.

А жизнь шла своим чередом, принося и радости, и беды. В 2012-м Тамара Ивановна потеряла мужа Георгия, слишком рано ушедшего из жизни. Пережить горе помогли семейные заботы, занятия с внучкой, которой исполнилось четыре года. Невестка Наташа целыми днями на репетициях, по вечерам спектакли — она прима балетной труппы, да ещё долгие гастроли. Александр, уже получивший учёную степень доктора филологии и звание профессора — классический трудоголик, работает с утра до поздней ночи, с 2010-го заведует кафедрой китайской филологии в ленинградском ниверситете. Всё свободное время отдаёт литературному труду, пишет не только книги по китайскому языку, истории и культуре Китая, но ещё рассказы, повести, романы. Главой дома поневоле стала Тамара Ивановна.

Поразительно, но энергии Т.И. хватало не только на службу в Институте, в которую она уходила с головой, на посещение театральных спектаклей и на заботы семейные. Для неё много значили многочисленные друзья, в основном из мира балета. Среди них, ещё с 1950-х, помимо Долгушина и его супруги, были Наталья Макарова, Алла Осипенко и её муж Геннадий Воропаев, Габриэлла Комлева с супругом — балетным критиком Аркадием Соколовым-Каминским, Сергей Викулов, Александр Минц. Позднее в круг друзей вошли Ирина Колпакова, Нинель Кургапкина, Михаил Барышников, Варвара Мей, и это далеко не все.

Блиские отношения связывали Тамару Ивановну и с семьёй Веры Михайловны Красовской, особенно с её матерью Марией Ивановной, поскольку в её частном «детском садике» вместе со сверстниками приобщался к английскому языку маленький Саша. Своим человеком Т. И. была в доме учителя Нурева — Александра Ивановича Пушкина и его супруги Ксении Иосифовны Юргенсон. Тесно дружила с родителями будущего известного скрипача Сергея Стадлера, знала его с раннего детства.

Особое место в жизни и в сердце Тамары Ивановны занимал Нияз Даутов — крупный театральный деятель, выдающийся певец, режиссёр, педагог вокала. Тамара Ивановна оценила его талант, ещё будучи девочкой. В годы войны пятилетнюю Тамару с бабушкой, переживших страшный год блокады, эвакуировали из Ленинграда в Свердловск (Екатеринбург). Когда вернулись в Ленинград, их дом оказался разбомблённым. Из-за бытовых трудностей Тамара жила то в родном городе, то в Свердловске. Здесь училась в школе, ходила в театр, увлеклась оперой. Будущая знаменитость Даутов был тогда молод, но в городе его уже хорошо знали, его талант оценила и юная Тамара. Она не пропускала спектаклей с его участием, знала все арии наизусть. Когда певец перебрался в Казань, став солистом и главным режиссёром Татарского академического театра оперы и балета имени Мусы Джалиля, Т. И. ездила в Казань. Верность любимому артисту, восхищение его творчеством она хранила до его последних дней.

...В 2012-м Т.И. приняла трудное решение покинуть институт, отдав ему без малого полвека. Не только по причине начавшейся чехарды со сменой руководства. Главное — ей стало одиноко. Её коллеги и сверстники один за другим уходили из жизни. К новому поколению сотрудников нужно было пристраиваться, притом, что дружеские связи и полное взаимопонимание потребовали бы слишком больших усилий. Словом, Тамара Ивановна переключи-

лась на дела семейные. Но с институтом постоянно контактировала, интересовалась его жизнью, консультировала новых сотрудников.

Но никакие жизненные перипетии не могли вычеркнуть из её бытия Рудольфа Нуреева, даже тот факт, что из-за дружбы с ним после его побега её — студентку-филолога, изучавшую русскую литературу у таких светил науки, как Виктор Мануйлов и Евгений Наумов, в одночасье исключили из университета. Только долгие хлопоты отца помогли восстановить её в университете. Но ещё три десятилетия, вплоть до 1990-х, Тамару Ивановну и её мужа считали «невъездными», то есть лишали возможности бывать за границей.

В 2018-м, к восьмидесятилетию артиста, Т.И. организовала в Белом зале РИИИ выставку документов и фотоматериалов из своего архива и провела конференцию на открытии выставки. Тогда же — по приглашению театров оперы и балета Казани и Уфы — Т.И. выступила там с рассказами о Нурееве...

Вспоминая студенческую пору, Т.И. признавалась: «Рудик занимал всю мою жизнь. Всё вертелось вокруг него. Всё было подчинено только ему». Вот и Нуреев, не склонный к сантиментам, писал в «Автобиографии»: «Тамара — очаровательная студентка, которая не пропустила ни одного моего представления... Кажется, я действительно больше никогда не встречал такой!». Нуреев мог бы вспомнить их почти ежедневные прогулки по городу с нескончаемыми разговорами об искусстве, музыке, книгах, посещения выставок, концертов в Филармонии и многое другое. Тамара Ивановна — студентка филологического факультета университета — раздвигала кругозор друга, приобщала его к культуре, которой он так жаждал!

Увы, великому Нурееву, признанному гением, не дано было узнать, что именно его Тамара — уже не «очаровательная студентка», а влиятельная фигура в крупном центре искусствознания — сделала всё возможное и невозможное, чтобы его имя зазвучало в годы, когда с «изменника родины» ещё не была снята судимость! А затем, благодаря Закржевской, творчество Нуреева стало ещё и объектом научного изучения. Одного этого достаточно, чтобы миниатюрная женщина с пламенной душой осталась в истории отечественного театра и мировой культуры.